

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения
по Танскому Китаю)

Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

- Чхве Чхивон. Гуйвань бигэн цзи, цз. 20, 56 - 76.
4. Морохаси Тэцудзи. Дай кан-ва дэитэн (Большой китайско-японский словарь). Токио, 1955-1961, 30730 (9).
 5. Цыхай. Шанхай, 1949, с. 1167.
 6. Текст притчи см.: Лао-цзы Гуань Инь-цзы Ле-цзы Чжуан-цзы Вэнь цзы Вэнь-цзы цэуань и (Лао-цзы, Гуань Инь-цзы, Ле-цзы, Чжуан-цзы, Вэнь-цзы, продолжение Вэнь-цзы с толкованиями). Шанхай, 1936 (Серия "Сыбу бэйяо", т. 151), цз. 3, 118-119. Перевод притчи, выполненный Л.Д.Позднеевой, см.: Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967, 71-72. Однако знак ц з я о - "банан" здесь переведен как "хворост", что придает этому образу, несущему, как нам представляется, большую нагрузку в тексте, иное значение.
 7. А.Е.Глускина. Буддизм и ранняя японская поэзия (по материалам "Маньёсю"). - Индийская культура и буддизм. М., 1972, с. 237.
 8. Морохаси, 17482 (13).
 9. Цыхай, 794.
 10. А.Е.Глускина, ук.соч, с. 234.

Л.В.Жданова

СТИХОТВОРЕНИЯ ГУ ЮНЯ, ЧХВЕ ЧХИВОНА И ГАО ПЯНЯ
НА СЮЖЕТ "ПУТЬ ТЯНЬВЭЙ" ("НЕБЕСНАЯ ГРОЗА")

Настоящие заметки посвящены проблеме индивидуальности китайских и корейского поэта, писавшего по-китайски, живших в конце династии Тан. Все трое - Гу Юнь, Гао Пянь и Чхве Чхивон были современниками и друзьями. Гу Юнь и Чхве Чхивон вместе служили под началом хорошо известного как в Китае, так и за его пределами полководца Гао Пяня.

Мы коснемся трех стихотворений, написанных на один и тот же сюжет, в основу которого легли события, связанные с личностью Гао Пяня. Согласно китайской исторической хронике "Синь Тан шу" ("Новая история династии Тан"), а также вьетнамской "Вьет шы лыок" ("Краткая история Вьета"), Гао Пянь был одно время заместителем в Аннаме.¹ Ему принадлежит заслуга очистки дна от камней на морском пути от Аннама до Гуанчжоу. В "Жизнеописании Гао Пяня" в "Синь Тан шу" приводится эпизод, раскрывающий смысл названия этого водного пути, - Тяньвэй ("Небесная гроза"). Рассказывается, что на

этом пути было множество камней, препятствующих движению. Гао Пянь велел рабочим прорубить дорогу в камнях. Но один из камней люди не могли осилить. Тогда ударил гром и расколол камень.² Смысл этого эпизода, легшего в основу стихотворений всех трех авторов, — преодоление силами Неба, к которым Гао Пянь мыслился причастным, преграды на пути, по которому "варвары" прибывают ко двору китайского императора. Гао Пянь предстает тем самым в исторических хрониках как историческая личность и как личность легендарная.

Остановимся непосредственно на стихотворениях Гу Юня, Чхве Чживона и Гао Пяня и попытаемся выявить их особенности.

Гу Юнь:

- Дорога Тяньвэй.
Хребты [варваров] мань — высоки. (1)
Море [варваров/мань — широко. (2)
Идущие туда и обратно лодки
остановились здесь на ночлег. (3)
Лодочники на одну ночь
обрели сон. (4)
[Утром], поспешно окликнув друг друга,
отправились в путь. (5)
Внезапно поднялся тайфун,
тучи смешались. (6)
Волны раскачивали
трупы рыб и драконов. (7)
Опасаясь духа моря,
поспешно поднялись на берег. (8)
Горные ласточки, дрожа от страха,
Прятались в камнях. (9)
Желтые змейки, стремительно извиваясь,
молниями пересекали дорогу. (10)
Белое солнце повисло вниз головой —
серебряная веревка растянулась. (11)
Скрип колесниц [перешед] в грохот груди камней —
возвращалась колесница [божества] Грома. (12)
Звук грома [был подобен]
[звуку] сражения неба и земли. (13)
[Но вот] ветер утих и облака рассеялись,
стали смотреть вдаль. (14)
Зеленые горы, [простирающиеся] на десять тысяч ли
раскололись надвое. (15)
Повозки — далеко-далеко [растянулись] они. (16)
Кони — хрип, ржанье [вокруг]. (17)

- [Путь] стал гладким, словно точильный камень, (18)
 Прямым, словно натянутая тетива. (19)
 Все десять тысяч родов
 Юньнани и восьми государств (20)
 Поняли, что это - путь,
 по которому приходят ко двору [Сына] Неба. (21)
 Гэн Гун совершил церемонии, и появилась
 вода на дне колодца. (22)
 Гуан Ли открыл
 источник на горе. (23)
 Если рассуждать, как в древности,
 о смысле творения вещей, (24)
 То подвиги этих двух полководцев
 окажутся незначительными [по сравнению с этим чудом].³ (25)

Чхве Чхивон:

- Путь Тяньвэй.
 Пробуравил Драконовы ворота
 и еще больше прославил себя. (1)
 Разъединил [горы] Хуа и Юэ
 и вознес хвалу духам. (2)
 Каково же было прорубить
 дорогу [среди] гор в море? (3)
 Это и заставило [все] восемь государств,
 соперничая, приходить в гости [ко двору].⁴ (4)

Гао Пянь:

- Минуя путь Тяньвэй.
 Все шакалы и волки в ловушке -
 мы возвращаемся ко двору [Сына] Неба. (1)
 Боевые кони прекратили ржание,
 горы окутались дымкой. (2)
 Обратный путь был крут и опасен,
 но теперь он широк и ровен. (3)
 Единный на тысячу ли
 он прям, словно натянутая тетива.⁵ (4)

Стихотворение Гу Юня посвящено описанию грозы, разразившейся внезапно в месте обитания южных варваров - мань, которое и получило в связи с этим название Тяньвэй - "Небесная гроза". Знак в эй (кор. в и) мог быть понят в текстах того времени и как "угроза применения военной силы"⁶ и как "гроза", "удар грома".⁷ "Гро-

за" уподобляется в этом стихотворении космической акции, которую предпринимают небо и земля по отношению к "варварам". Причем "гром" раскалывает здесь уже не камень, а "зеленые горы, [простирающиеся] на десять тысяч ли". Смысл "грозы" – открыть путь, по которому варвары приходят ко двору Сына Неба, сделав его "гладким, словно точильный камень" и "прямым, словно натянутая тетива". Финал стихотворения Гу Юня говорит о том, что творению грозы содействовал кто-то из современных поэту полководцев, равный по силе воздействия прославленным ханьским генералам Гэн Гуну и Гуан Ли, сумевшим в критический для истории Китая момент вызвать воду пронзанием скалы и творением особого ритуала над вырытым колодцем. Если соотнести сюжет этого стихотворения с "Жизнеописанием Гао Пяня" в "Синь Тан шу", станет очевидно, о каком полководце, имя которого не названо в тексте, идет речь в стихотворении Гу Юня.

Если в стихотворении Гу Юня содержится намек на личность Гао Пяня как полководца одного порядка с выдающимися полководцами прошлого, то в стихотворении Чхе Чживона, входящим в цикл "Стихотворения, в которых описывается сила дэ" (№ 14), личность Гао Пяня – обладателя силы дэ мыслится выше, – как личность первых императоров, участвовавших в акте устройства мира: пробуравил Драконовы ворота, разъединил горы Хуа и Юэ, прорубил дорогу среди гор в море (тройное усилие, в основе которого лежит преодоление замкнутого пространства). Здесь небезынтересно отметить, что все три строки этого четверостишия Чхе Чживона начинаются глагольными биномами, отмеченными максимумом активной деятельности: ц з о / ц з а о д у а н ь (кор. ч х а к т а н) – "пробуравить" (1 строка), б о ф э н ь (кор. п ё к п у н) – "разъединить" (2 строка), п и к а й (кор. п ё к к э) – "прорубить" (3 строка). Цель этой операции – "заставить [все] восемь государств, // соперничая, приходиться в гости [ко двору]".

Стихотворение самого Гао Пяня посвящено обузданию звериной природы варваров (охота на "волков и шакалов")⁸ и установлению порядка в космосе, знаком чего служит появление в этом четверостишии "мирного" образа "дымки", которой можно было, наконец, любоваться в горах после ратных дел. Обратный путь, путь ко двору Сына Неба предстает в стихотворении Гао Пяня как единый и "прямой, словно натянутая тетива" (этот же образ присутствует и в стихотворении Гу Юня).

Все три стихотворения свидетельствуют о различной трактовке центрального образа – образа пути, названного Тяньвэй ("Небесная гроза") и связанного с личностью известного полководца Гао Пяня, в творчестве двух китайских и корейского поэтов. Так, если стихо-

творение Гу Юня посвящено грозе как космической акции, предпринимаемой на пути, по которому южные варвары прибывают ко двору Сына Неба, то в стихотворении Чхве Чживона речь идет о личности, соотносимой с личностями первых китайских императоров, ее усилиях, способствовавших приходу тех же восьми государств, что и у Гу Юня, ко двору. И, наконец, в стихотворении Гао Пяня говорится о нечеловеческой природе варваров, об охоте на них и обратном пути ко двору Сына Неба, пришедшем в идеальное состояние.

-
1. Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Пер. с вэньяня, вступ. статья и комментарий А.Б.Полякова. М., 1980, с. 123-124.
 2. Синь Тан шу (Новая история династии Тан . Шанхай, 1936 (Серия "Сыбу бэйяо"), цз. 224, 1740.
 3. Цуань Тан ши (Полное собрание стихов династии Тан). Пекин, 1960, т. 10, с. 7302.
 4. Чхве Чживон. Гуйюань бигэн цзи (Сборник "Борозды кистью в Саду коричных деревьев"). Шанхай, 1928 (Серия "Сыбу цункань"), т.3, цз. 17, 7 а-б.
 5. Вань шоу тан жэнь цзюецзюй (Десять тысяч цзюецзюй людей Тан). Сост. Хун Май-цзи. Пекин-Шанхай, 1955, т.2, цз. 47, 12 б.
 6. О термине в эй - "угроза" в китайских политических текстах см.: А.С.Мартынов. О двух рядах терминов в китайских политических текстах. - Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1969. М., 1972, с. 344-347.
 7. О военной функции грома см.: В.М.Алексеев. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам. С.-Петербург, 1910, с. 17. Гром является одним из основных мотивов китайских графических заклинаний, которые могут быть поняты как воплощение угрозы по отношению к ритуально нечистым, враждебным человеку силам. Творение заклинаний связано главным образом с охраной жилища от вторжения извне сил, нарушающих мир и покой (картины с такими заклинаниями вывешивались обычно на воротах дома или створках двери и приурочивались к празднику пятого дня пятой луны), и обереганием тела человека от проникновения в него духов, насылающих болезни, похищающих жизненные силы и т.д. (заклинания этого рода писались на амулетах, носимых на теле). Так, заклинание на одном из амулетов гласит: "Войско бога Грома! Войско бога Грома! Убей духов г у й, за- дави духов ц з и н. Разруби странных существ я о, уничтожь (досл. расколи) странных существ с е. Навсегда гарантируй [мне] защиту благих и чистых духов".

Гром представлял собой также оружие, направленное против варваров. Ср. со стихотворением Чжэ Чживона "Те, кто держат в руках железные палки" из цикла "Семисловные стихи, в которых описывается сила дэ" (№ 17): "Одним порывом ветра и ударом грома // успокоили [всех] восемь мань".

8. О "звериной" природе варваров см.: А.С.Мартынов. Статус Тибета в VII-VIII веках. М., 1978, с. 38.

И.Т.Зограф

О МЕСТЕ ДУНЬХУАНСКИХ БЯНЬВЭНЕЙ В ИСТОРИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

В последние десятилетия исследователи китайской литературы все чаще обращаются к изучению и монографическому описанию отдельных ее жанров. К настоящему времени уже более или менее подробно исследованы новелла, пинхуа, бяньвэнь, хуабэнь и др., и как следствие этого все большую актуальность приобретают вопросы, касающиеся места различных жанров в истории литературы Китая, вопросы их взаимосвязей и преемственности.

Над жанром бяньвэнь, конкретно интересующим нас в данном случае, работали многие ученые, и в частности Л.Н.Меньшиков и А.Н. Желоховцев. Касаясь вопросов взаимосвязи жанров хуабэнь и бяньвэнь, А.Н. Желоховцев пишет: "Общепризнано, что сказ-шохау сунского времени, породивший повесть-хуабэнь, развился из светского сказа танской эпохи, памятники которого сохранились в рукописной сокровищнице Дуньхуана и носят общее научное название "бяньвэнь", впервые введенное Чжэн Чжэньдо".¹ По мнению А.Н. Желоховцева, "при сопоставлении повести с другими жанрами, наиболее ей близкими - и хронологически предшествовавшими, и современными ей, и более поздними, - особенный интерес представляют параллели произведений схожих, иногда даже сюжетно идентичных: в них ярче всего проявляются изменения в литературной технике и художественном сознании эпохи, выделяется литературная преемственность".² И далее, подводя итог сравнению хуабэнь и бяньвэнь, А.Н. Желоховцев приходит "к убеждению, что между светским сказом танского времени и последующей литературой имеется преемственность".³ Однако, следует сразу же заметить, что только в одном случае сюжет повести повторяет сюжет бяньвэни (речь идет о почтительном сыне Дун Юне; кстати, как отмечает и сам А.Н. Желоховцев, этот сюжет был известен еще по рассказу эпохи Шести династий,